Закон меча

Автор:
Дмитрий Силлов

Закон меча

Дмитрий Олегович Силлов

Апокалипсис-СТСнайперЗакон меча и затона #1Снайпер Дмитрий Силлов

Древняя Русь…

Время, когда былинные богатыри, защищая стольный Киев-град, бились насмерть с ордами печенегов.

Время, когда волхвы, служители старых богов, натравливали на богатырские заставы нечисть, что жила в проклятой чаще, прозванной Черной Болью, а затерянный в лесах Алатырь-камень исполнял желания тех, кто сумел дойти до него живым…

Правда, дошел до него лишь один воин – крестьянский сын Илья Муромец. И теперь Снайперу, которого судьба закинула на десять веков назад, нужно повторить подвиг легендарного богатыря, пройдя через жуткое место, которое спустя тысячу лет люди назовут Чернобыльской зоной…

Дмитрий Силлов

Закон меча

© Д.О. Силлов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Хронология романов о Снайпере

СТАЛКЕР. Закон проклятого

СТАЛКЕР. Закон Зоны

СНАЙПЕР. Закон юга

СТАЛКЕР. Закон стрелка

СТАЛКЕР. Закон шрама

КРЕМЛЬ 2222. Северо-запад

КРЕМЛЬ 2222. Север

КРЕМЛЬ 2222. МКАД

КРЕМЛЬ 2222. Сталкер

РОЗА МИРОВ. Закон дракона

СТАЛКЕР. Закон Шухарта

РОЗА МИРОВ. Побратим смерти

СНАЙПЕР. Закон Хармонта

КРЕМЛЬ 2222. Петербург

КРЕМЛЬ 2222. Шереметьево

СТАЛКЕР. Закон «дегтярева»

СТАЛКЕР. Закон Призрака

СТАЛКЕР. Закон клыка

СТАЛКЕР. Закон долга

СТАЛКЕР. Закон свободы

СТАЛКЕР. Закон монолита

ГАДЖЕТ. Чужая Москва

СТАЛКЕР. Закон сталкера

СТАЛКЕР. Закон торговца

СТАЛКЕР. Закон крови

СТАЛКЕР. Закон Охотника

СТАЛКЕР. Закон Припяти

СТАЛКЕР. Закон якудзы

СТАЛКЕР. Закон лесника

СТАЛКЕР. Закон выживших

СТАЛКЕР. Закон бандита

СТАЛКЕР. Закон Черного сталкера

СТАЛКЕР. Закон Чернобыля

СТАЛКЕР. Закон мутанта

СНАЙПЕР. Закон войны

СТАЛКЕР. Закон затона

СНАЙПЕР. Закон меча

СНАЙПЕР. Закон Кремля

Автор искренне благодарит:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемешье, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения, за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова,

Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе https://vk.com/worldsillov, за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «СНАЙПЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

* * *

Это было похоже на кратковременную потерю сознания – а может, так оно и было на самом деле. Красный туман внезапно сгустился у меня перед глазами, и я почувствовал, что лечу куда-то…

Приземление оказалось довольно жестким.

Я чувствительно приложился спиной обо что-то твердое, но твердое не настолько, чтобы сломать позвоночник. Дыхание лишь немного перешибло, да винтовка больно врезалась в лопатку, а в остальном все нормально.

Я рефлекторно перекатился на живот, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, и прежде, чем зрение полностью восстановилось, услышал голоса.

Язык говоривших был чужим, но в то же время в нем улавливались условно знакомые слова – будто уголовники на фене разговаривают. Вроде кажется с непривычки, что понять можно, но это только кажется.

– Зырь, тать! В полон ловити його, братия!

Кстати, это я понял с ходу, будто на фене тех «братий» сроду говорил. Вскочил на ноги, еще не особо проморгавшись, сдернул с плеча СВД – и саданул прикладом по ближайшей тени, бросившейся ко мне.

Раздался глухой удар. Тень, видимо не ожидавшая от покачивающейся жертвы подобной скорости, исчезла из поля моего зрения. Я же отпрыгнул назад, зажмурился до боли, открыл глаза…

К счастью, зрение вернулось почти полностью. Но оптимизма этот факт мне не прибавил.

Их было четверо. Одного я удачно срубил прикладом, и теперь он валялся на земле без движения, с лицом, залитым кровью. Зато остальные трое явно собирались меня мочить…

Надо отметить, что нападавшие были одеты весьма экзотично. Меховые шапки, не новые, изрядно потертые кожаные тулупчики явно ручной выделки, свободные полотняные штаны, на ногах – лапти. Самые настоящие, как с картинок из учебников истории. А выше лаптей – перевязанные веревками обмотки из не особо чистой материи, которые назывались забытым ныне словом «онучи». Тема для меня знакомая: когда в мир Великой Отечественной войны попал, больше половины наших бойцов были в ботинках с такими вот обмотками.

Морды у всех нападавших были изрядно волосатыми – сальные патлы из-под шапок до плеч, спутанные бороды до груди. Но все это, конечно, не главное.

Гораздо больше внешнего вида и шмотья нападавших интересовало меня их оружие. У одного топор заткнут за веревку, заменяющую пояс, плюс мощное копье в руках, с которым на медведя ходить в самый раз. У второго – здоровый колчан за спиной с короткими копьями, одно из которых он вытащил и уже замахнулся, чтоб в меня бросить. А у третьего, самого здоровенного, меч на поясе, а в руках короткий лук, из которого этот Робин Гуд явно собирался в меня выстрелить, уже тетиву натянул, сволочь. И при этом заорал:

– Рубити головника!

Хреново…

Но, как бы там ни было, моя тушка очень не любит, когда в нее втыкаются всякие острые железяки, и потому сама, на рефлексах реагирует даже раньше, чем мозг сообразит, что нужно делать.

Метатель швырнул копье, «Робин Гуд» выстрелил – но меня уже не было там, куда они метили. Я просто как стоял – так тупо и упал вперед, на брюхо, и стрела с копьем пролетели у меня над головой. Я же, практически не целясь, щелкнул переводчиком огня и выстрелил из своей СВД…

Осечка!

Ну твою ж душу…

А «Робин» с копейщиком не зевали, оба потянулись – один за второй стрелой, другой за следующей металкой.

И тут мне повезло!

Третий, со здоровенным копьем который, решил, что дружки славу у него отбирают. И, заревев по-медвежьи, ринулся в атаку, заслонив меня широченной фигурой от корешей, предпочитающих решать вопросы на расстоянии.

И быть бы мне насаженным на копье, словно на вертел, если б, опять же, не рефлексы. Отпустив винтовку, я резко вскочил на ноги, отбил предплечьем в сторону копье, направленное мне в грудь (больно, блин! Древко-то какое толстое!), после чего со всей дури заехал здоровяку локтем в подбородок.

Какой бы ты кабан ни был, сильный удар на встречке в челюсть – это практически всегда нокаут. И данный случай не оказался исключением.

Здоровяк будто мордой на рельс наделся с размаху. Хрясть – и на спине лежит со стеклянными глазами, выставив кверху свое копье.

А дружки его, увидев, что кореш вперед ринулся, свое оружие опустили. Типа, если эта гора мышц в атаку пошла, значит, стрелять-метать им больше не придется.

Ошиблись.

Они еще, наверное, и не поняли, с чего это копейщик на землю рухнул, так как, нанеся удар, я сразу присел. Понятное дело, растеряешься тут: только что друг-великан вперед бежал, и вот уже лежит на спине, а цель – цель на кортах сидит. Чо это она?

Я же не стал ждать, пока противники обстановку оценят, выхватил топор из-за пояса поверженного врага и метнул его в «Робин Гуда». После чего, подхватив с земли винтовку с примкнутой «Бритвой», ее отправил следом.

В метателя копий.

Топор в плане метания вообще штука замечательная. Даже если не владеешь древним искусством викингов поражать врага на расстоянии широким лезвием между глаз, это не особо страшно. Коль ему в рожу стальным обухом прилетит или даже рукоятью, мало не покажется.

В моем случае стрелок из лука как раз обухом в лоб и получил, после чего заготовленная стрела полетела в небо, а хозяин – на землю.

А вот метателю копий повезло меньше. Брошенная мною СВД поразила его штыком точно в глаз. То есть «Бритвой». Подозреваю, что без ее участия мой на удивление точный бросок не обошелся: любит мой нож свежую кровь и, ежели его метнуть, летит за ней, как гончая за добычей, – быстро, метко и втыкается глубоко, по самую рукоять.

Все…

Это ежели я очередной роман писать начну, букв будет много и набивать их придется пару дней. А так-то вся стычка секунд десять заняла от начала до конца. Насыщенных таких секунд, прямо скажем. После которых хочется выдохнуть, прилечь на траву и поспать пару часов, так как сил подобная скоротечная схватка сжирает немало.

Но – нельзя.

Прежде всего, после любой битвы надо врагов осмотреть, живы ли они. И если живы, то не нужна ли помощь. Не в смысле раны подлатать и оказать моральную поддержку, а исключительно на предмет подсобить перейти в мир иной. Потому что, когда тебя пытаются завалить, миндальничать с побежденным противником есть глупость несусветная. Ибо поверженный враг всегда мечтает лишь об одном: завершить то, что ты помешал ему сделать. То есть убить тебя, как только ты, опьяненный победой, потеряешь бдительность.

Тот, кому я самому первому в башню заехал, был уже мертв. По ходу, шея хрустнула. Бывает.

У «Робин Гуда» во лбу лезвием кверху топор торчал, провалившись в череп чуть не наполовину. Надо же, оказывается, стальным обухом крепчайшую лобную кость проломить можно запросто! Не знал, возьму на заметку.

У копьеметателя ствол СВД в глазницу провалился по самую мушку, и кончик «Бритвы» торчал из затылка. Тут ясно, с такими ранами не живут. Я наступил ногой на лицо мертвеца, выдернул СВД из головы трупа – и услышал сзади шорох.

Обернулся.

Здоровяк, пошатываясь, стоял на ногах, пытаясь сфокусировать взгляд. После нокаута состояние вполне нормальное. И копье в руках держит, пытаясь направить на меня остро заточенный стальной наконечник.

Я ждать не стал, пока у него все получится. Ногой смахнул копье в сторону (Блин!!! Щиколотку, по ходу, отбил, довыпендривался!), после чего вогнал «Бритву» противнику в брюхо. Повернул, протолкнул дальше, выдернул. Рана, конечно, смертельная, но помрет не сразу. И в обмен на быструю смерть, глядишь, чего интересного расскажет.

Здоровяк, выронив копье и держась за брюхо, осел на землю. Я подошел, приставил все еще примкнутую к винтовке «Бритву» к груди врага и поинтересовался:

– Хочешь быстро сдохнуть? Поговорим?

Крепыш смотрел на меня глазами, красными от бессильной ярости.

– Вот и хорошо, – сказал я. – Итак, кто вы такие и с какого, простите, хрена на меня напали?

– Тать, – прохрипел раненый. – Хоцю сьрдьце ти вырьзать.

Блииин… Что-то не понравилось мне, как он это сказал. И еще вспомнилось, как их вожак, чтоб ему на том свете икалось, заорал «Рубити головника». Однажды в тюрьме мне один прошаренный в российской истории сокамерник пояснял от

нечего делать, что блатное слово «головняк», означающее проблему, ведет свою историю от древнерусского «головник», что значит «убийца». И то, что эти бородачи-лапотники на подобном наречии изъясняются, скорее всего значит, что они ни фига не современные реставраторы исторического прошлого, а просто на этом языке треплются между собой с детства. А значит…

– Год сейчас какой? – спросил я.

– Ась?

Глаза умирающего уже заволакивала знакомая пелена смерти.

– Год какой сейчас? Месяц?

Копейщик что-то прохрипел, но я разобрал лишь «вересень». После чего умирающий испустил дух.

Ясно. Видать, какой-то крупный сосуд я в брюхе у него задел, и мой враг истек кровью, вон какая лужа под ним натекла. А еще ясно, что я, похоже, приехал в далекое прошлое Украины, где сентябрь и в наше время называется «вересень». Другой бы на моем месте цеплялся за мысль, что, может, все не так и это просто ролевики в лесной чаще увидели одинокого, с виду пьяного путника и решили его завалить, обобрать, а труп закопать – чаща все спишет.

Но я слишком часто бывал в других вселенных Розы Миров, чтобы тешить себя иллюзиями. Ежели судьба бросает меня в водоворот, то в самый гиблый. Поэтому, если мне думается, что произошла какая-то немыслимая хрень, то, скорее всего, я не ошибаюсь. И коли так, к хрени той нужно подготовиться максимально хорошо, учитывая прошлый опыт.

Находился я в густом лесу, что неплохо – посторонних глаз не будет. И для начала следовало хорошенько осмотреться.

Впрочем, осматривать было особо нечего. Вывалился я из своего мира прямо возле лагеря этих четверых, чем их реакция и объясняется. У любого человека в непонятной ситуации возникает реакция «бей или беги». Тут было четверо здоровых бугаев против одного, габаритами скромнее любого из них. Ну вот они

и включились в режим «бей». А могли б просто посидеть-поговорить возле костра, тем более что их язык оказался похожим на украинский, который я более-менее освоил, путешествуя по Чернобыльской Зоне.

Осмотр лагеря ничего особо не дал. Четыре шалаша, искусно сплетенные из веток, внутри них лежанки из тех же ветвей, накрытые грязными тряпками. И холщовые вещмешки с вяленым мясом, прогорклым салом, сухарями, а также кожаными флягами с водой и какой-то кислой гадостью – вероятно, местным алкоголем.

Но после хорошего боя не выбирают, что кушать, так как организм, потративший много сил на адреналине, требует компенсации. Потому я плотно так подзакусил трофейной жратвой, запив все это кислятиной из фляги. Желудок дернулся было от непривычной пищи, мол, хозяин, ты хорошо подумал? Но потом успокоился – в Зоне и не такое переваривал, тренированный орган, справится.

На трупах тоже ничего особо интересного не нашлось – кроме одежды. Я прикинул, что если я выйду к местным в своем облачении, то есть в бронекуртке, тактических штанах, берцах и с винтовкой, то меня, скорее всего, просто замочат на всякий случай. Мой богатый жизненный опыт подсказывал, что непонятных типов во все времена и во всех мирах предпочитали валить и лишь потом выяснять, кто они такие и откуда взялись. Либо, как вариант, заковывать в цепи и задавать вопросы, сопровождая их вырыванием ногтей, прижиганием раскаленным железом и другими аттракционами подобного рода, что меня тоже не устраивало.

Исходя из чего я переоделся. Стащил с трупов наименее окровавленный шмот, как мог, подогнал под себя, а остальное собрался было закопать, благо в одном шалаше нашлась деревянная лопата.

Но тут моя рука нащупала твердое за подкладкой одного из тулупчиков. Ее я подпорол и в результате стал обладателем шести монет.

Четыре из них были покрыты арабской вязью, но две меня заинтересовали.

На одной стороне тех монет был изображен мужик то ли с нимбом, то ли в скафандре и с крестом в руке, на другой – знакомый украинский трезубец.

Я присвистнул.

В нумизматике я не силен, но такую монету знает любой, кто хоть когда-то пусть даже мельком слышал об этой теме. У меня на ладони лежали сребреники князя Владимира, крестившего Русь. Один новый, практически не потертый. Второй сохраном похуже, с царапинами и следами зубов, но тоже видно, что отчеканен недавно. В мое время они небось миллионы стоят. А здесь такие монеты – лишь подтверждение моей версии насчет того, куда я попал, – и, само собой, просто платежное средство.

Ну, Русь так Русь. Как я понимаю, это и есть мое испытание[1 - О том, кто назначил Снайперу это испытание, можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон затона» литературной серии «СТАЛКЕР». При этом оба романа – и «Закон затона», и «Закон меча» – можно читать отдельно.]. Ладно, будем надеяться, что оно скоро закончится.

А пока что я снял дерн с двух мест под корнями деревьев и вырыл две ямы. В первую, что побольше, закопал трупы. Во второй разместил СВД, предварительно отомкнув от нее «Бритву», и свою одежду, тщательно завернув все это в шмот мертвецов. После чего приладил пласты дерна на место, развязал шалаши и тщательно уничтожил все следы бандитской стоянки. Посмотришь – на первый взгляд поляна и поляна, ничего особенного. Что, собственно, и требовалось. По сделанным мною меткам на деревьях я ее всегда найду, а другим это совершенно не обязательно.

* * *

Бандиты при жизни прятались в лесу довольно грамотно, но все же опытный следопыт сразу бы вычислил, куда они отходили от стоянки. Тропка была одна, хоть и не особо заметная, но для меня вполне очевидная. По ней я и направился, отмечая про себя на ходу необычность окружавшего меня леса.

Хотя как – необычность? Для Чернобыльской Зоны – вполне себе нормальный лес. Не Рыжий, конечно, где кривые деревья постоянно совершают вялые попытки захватить ветвями проходящего мимо человека, проткнуть тело острыми шипами и медленно выпить все соки. Но тенденция к подобному явно прослеживалась.

Я несколько раз срубал «Бритвой» узловатые корни, которые словно змеи шевелились под ногами, норовя схватить за стопу. Одному, кстати, это удалось, когда я слегка зазевался – и немедленно из земли полезла вся, мать ее, корневая система огромного дуба, пытаясь закрепить успех.

Думаю, живые корни сто процентов утащили бы меня под землю, если б не «Бритва», способная легко рубить металл. Через минуту корни, будто расчлененные змеи, вяло шевелились на траве, истекая черной смолой, похожей на кровь. А я, отойдя от коварного дуба на безопасное расстояние, минут десять массировал изрядно помятую ногу, которую проклятый дендромутант едва не сломал. Интересно, меня случайно не в прошлое Чернобыльской Зоны выкинуло, где еще за сотни лет до аварии творилась всякая паскудная хрень? Судя по повадкам местного леса, очень похоже на то. Но в этом еще надо было убедиться.

Деревья более скромных размеров вели себя менее агрессивно – похоже, им пока хватало питательных веществ, которые они получали из почвы. Поэтому я, сторонясь огромных дубов, которых в лесу было предостаточно, примерно через полчаса вышел из чащи – и увидел дорогу.

Это был довольно широкий тракт, продавленный колесами и плотно утоптанный ногами. Причем, судя по колеям, колесами именно тележными. И ногами преимущественно босыми – отпечатками пяток и пальцев была усеяна вся грунтовка. Реже попадались следы от плетеных лаптей, как у меня. И еще реже – от сапог, рисунок подошв которых меня изрядно опечалил.

Каблуков у этих сапог не было, соответственно, стальных подковок тоже. Сама подошва – мягкая, и носок слегка приподнят. Я не большой знаток Древней Руси, но еще по школе помню, как удивился подобной обуви, которая была в моде аж до четырнадцатого столетия. Такое ни реставраторы, ни киношники не продумают, и если у меня были еще какие-то сомнения, куда я попал, то следы на вот этой простой грунтовой дороге их развеяли напрочь.

Тем более что еще одно подтверждение моим выводам прилетело со свистом.

Вернее, целых три.

Пока я, согнувшись, следы рассматривал, они подъехали сзади. Довольно близко, метров сто пятьдесят до них было. И тихо, хотя все были на конях, видимо, обученных ставить копыта так, чтобы враг ничего не услышал. Подкрались – и одновременно выстрелили из луков.

Первая стрела воткнулась в землю в дециметре от моей правой ноги, вторая – рядом с левой, на том же расстоянии. А третья сбила с головы меховую шапку, которую я одолжил у мертвого разбойника.

Доступно, понятно, вопросов нет. Я разогнулся, развернулся на сто восемьдесят и спокойно ждал, пока три конника подъедут ближе. Единственное – «Бритве», зажатой в руке, мысленно приказал в предплечье спрятаться, что мой нож и сделал. Жуть, конечно, это ощущение, когда тыльник рукояти продавливает твою ладонь, входит в мясо, раздвигает кости… Боль адская, но ничего не попишешь – хочешь иметь скрытое оружие последнего шанса, значит, терпи. Зато оно всегда под рукой. Точнее, в руке…

Кожа на ладони после такой экзекуции даже не зарастала, а просто сходилась, будто в тесто нож спрятали. Так что, когда всадники подъехали ближе, я смог показать им пустые ладони, мол, мирный я человек, и совершенно ни к чему выпускать в меня еще три стрелы, которые лучники держали наготове, управляя конями с помощью ног. Это я сразу подметил. Малейшее движение нижней конечностью – и здоровенная умная зверюга идет куда надо.

Конные воины были крепкими. Я бы даже сказал, здоровенными. Плечи почти вдвое шире моих, ростом каждый под два метра. Плюс все в стальных кольчугах и островерхих шлемах, на спинах щиты, на поясах мечи подвешены. И как лошади такой вес на себе тащат? Хотя, конечно, кони были под стать хозяевам, чем-то напоминая фенакодусов из вселенной Кремля. Так же, как их всадники были похожи на кремлевских дружинников-переростков, прокачанных D-геном.

Всадники взяли меня в кольцо, не спеша спрятали луки и стрелы в колчаны, притороченные к седлам. Опасаться меня никто даже и не подумал, несмотря на топорик у меня за поясом. Оно и понятно – трое этаких громил были уверены, что мне одного удара огромным кулаком в перчатке, обшитой стальными бляшками, хватит, чтобы отправиться в лучший мир.

Один из них достал из седельной сумки хитро сплетенный кожаный ремешок и бросил мне под ноги со словами:

– Вазати себь руци, тать.

Ага, в целом понятно. Предлагает мне связать себя самому, и при этом еще и обзывается.

Я опустил глаза. Занятный ремешок, ничего не скажешь. Эдакий эквивалент средневековых наручников, затейливо завязанный несколькими узлами. Руки сунул, зубами за узелок потянул – и все. Перегрызать толстую сыромятную кожу не один час придется, зубы обломаешь. И развязать никак, только перерезать. Может, местные вояки секрет какой-то и знают, как от такой штуки освободиться без ножа, но вряд ли расскажут.

Кстати, как я смутно помнил, в Древней Руси, да и в относительно недалеком прошлом слово «тать» обозначало то ли разбойника, то ли убийцу, то ли в целом преступный элемент. Короче, эти здоровяки в броне и ярко-красных сапогах явно считали меня человеком низшего сорта. А я такое очень не люблю, даже если оно исходит от качков-переростков, опасаться которых имеются все основания.

– А не пошел бы ты на хрен, – улыбнувшись, сказал я на своем продвинутом языке образца двадцать первого столетия.

Надо же, до них дошло без перевода.

Один из конников, выдернув стопы из стремян, ловко перекинул ногу через голову коня и быстро стек с него эдакой сверкающей стальной волной. Красиво, я аж засмотрелся. Настолько, что едва не пропустил стремительный удар кулачищем в лоб.

Надо отдать должное, бил всадник быстро, на уровне хорошего боксера. И двигался не в пример быстрее лесных разбойников, несмотря на то, что был облачен в тяжелую броню.

Но я был готов к тому, что мне сейчас прилетит нечто подобное, потому поднырнул под его классический прямой, продолжая движение, сделал шаг

левой ногой вперед и вбок, одновременно нанося удар в горло бицепсом правой руки, согнутой в локте. При этом правой ногой провел классическую самбистскую заднюю подножку, только не в бросковом стиле, а конкретно так с размаху заехал правой ногой всаднику под коленку.

Понятное дело, что убивать я никого не собирался. Даже если б мне удалось грохнуть воина, решившего в одиночку показать удаль молодецкую, его товарищи меня б мечами наверняка порубили в бастурму. Или поступили еще проще, отъехав на безопасное расстояние и расстреляв из луков, – в том, что это им раз плюнуть, я уже успел убедиться.

Поэтому я сейчас работал, что называется, «на авторитет». Силу и бойцовские умения уважают всегда и во все времена, особенно в среде профессиональных воинов – а то, что передо мной профи своего времени, сомнений не вызывало.

Короче, трюк удался. Всадник, не ожидавший подобного от лапотника, рухнул на спину. Хорошо так приложился, аж зубы лязгнули да лопнул подбородочный ремень шлема, отчего тот слетел с головы и покатился по земле.

Правда, надо отдать всаднику должное, вскочил он сразу, оттолкнувшись спиной и руками от земли и буквально взлетев над ней, настолько сильным был толчок.

Круто! В тяжеленной кольчуге и при мече я б такое повторить точно не смог…

А воин между тем рванул меч из ножен. Лицо перекошено от ярости, на губах пена выступила. Понятное дело – такой позор перед боевыми товарищами! То есть сейчас меня все-таки рубить будут в три меча. Ладно. Помирать, так с музыкой.

Дорога была пыльной – колеса телег размололи глину в мелкую взвесь, а дождя не было пару дней точно. И когда дружинник рванулся ко мне, я ему ногой в морду той пыли полный лапоть отправил, зацепив изрядную кучу носком плетеной обуви. Дружинник, опять же такого не ожидавший, морду лица прикрыл левой рукой слишком поздно, потому в рот, ноздри, а главное, в глаза ему попало изрядно. И потому удар мечом с правой разрубил пустоту…

С оружием на безоружного прыгать – это неправильно и потому снимает с безоружного любые моральные ограничения. Я уже совсем было собрался, сместившись вправо, ударить пяткой в коленный сустав нападавшего сбоку, что даже при его габаритах вряд ли спасло б его от перелома… но тут мне на неприкрытую макушку обрушилось небо. Во всяком случае, так мне показалось. Правда, угасающее сознание тут же отвергло версию с небом, ибо я понял – кто-то из всадников, бесшумно соскользнув с коня, зашел сзади и треснул меня по черепу чем-то тяжелым. Но осознание произошедшего нисколько не помешало мне в следующее мгновение провалиться в кромешную темноту.

* * *

Очнулся я от зоопарковой вони. Там так же из вольеров тащит, только тут вонища била прямо в нос. Сильное средство, приводит в чувство не хуже нашатыря. Ну и еще от тряски, конечно. И от того, что на брюхо давило неслабо. Короче, целая куча факторов, способствующих скорейшему возвращению сознания.

Я с трудом поднял веки.

Голова болела зверски. И не только макушка, на которой, судя по ощущениям, вылезла неслабая шишка. Еще и от неслабого притока крови к черепу жутко ломило виски и затылок – потому что меня везли, перекинув через лошадиный круп как мешок с навозом, совершенно не беспокоясь о моем удобстве. И связали профессионально, по рукам и ногам, плюс плотно зафиксировали на лошади. Пока не понял, как именно они это сделали, но пошевелиться точно не получится, от слова совсем.

Но всякую боль терпеть меня жизнь научила, и головная из них не самая страшная. Потому я постарался мысленно ее отключить, сосредоточившись на звуках вокруг, ибо не мог видеть ничего, кроме куска материи перед лицом, темного от впитавшегося лошадиного пота.

Дружинники ехали не спеша. И разговаривали. А я – слушал, так как если даже ты в плену, оружие готовить все равно можешь и должен. Ибо информация – это тоже оружие, которое порой бывает пострашнее пули.

Говорили они, само собой, на старославянском, но я, чтоб не парить себе голову переводом «комоня» в «коня», а «шелома» в «шлем», начал настраивать свои мозги, чтоб они это делали автоматически. Дело, конечно, непростое, однако, коли знаешь русский и украинский, выполнимое. И примерно минут через пятнадцать тошнотворной тряски я уже почти без напряжения понимал, о чем судачат всадники, периодически разражаясь смехом, похожим на лошадиное ржание.

– А все ж знатно тебя этот разбойник уделал, брат Василий! Не зря тебя Долгополым кличут. Пока ты в своих полах путался, он тебя и задницей об дорогу приложил, и харю земляной мукой посыпал, хоть в печь ее суй да запекай, словно каравай.

Двойное ржание и злое сопение. По ходу, Васю Долгополого стебали уже долго, и он, устав отбрехиваться, теперь лишь пыхтел, будто закипающий самовар.

– Хорошо еще, что с того лапотника шапку сбили стрелою, – продолжил второй голос. – Чую, если б она у него была, он бы ее брату Василию на башку натянул заместо шлема и отправил в поле пахать.

Вновь двойное гоготание.

Похоже, в те времена занимающийся крестьянским трудом дружинник был зрелищем смешным до истерики, ибо весельчаки заржали так, что конь, на котором я возлежал, заволновался, захрапел и на всякий случай перешел на рысь. При этом мне, чтобы при каждом скачке не прикладываться лицом о мокрую от пота материю, пришлось напрячь шею и повернуть голову. Тяжелое, конечно, упражнение в эдаком положении, но в нем оказались определенные дополнительные плюсы.

Потому что всадники подъезжали к крепости, которую мне удалось хорошо рассмотреть.

Честно говоря, крепость была так себе, видали и покруче. Сложена из бревен, стены метра три с половиной высотой, навесы над ними, по ходу, из хвороста, покрытые коровьими шкурами. Башни тоже не впечатляющие – чуть выше стен, и над одной из них торчит что-то типа мачты, на верхушке которой оборудована сидушка для наблюдателя. Ни рва, ни вала, никаких дополнительных

средневековых приблуд для усложнения жизни неприятелю, вознамерившемуся взять столь несерьезное с виду укрепление.

А рядом с крепостью – деревенька. Десяток низеньких изб, хоть и добротно сложенных, но ничем не украшенных. Видно, что эти жилища строили с расчетом, чтобы не жаль было их бросить в любой момент.

Ну и, соответственно, рядом с деревней было поле, в котором копошились крестьяне, одетые примерно так же, как и я. На подъезжающих всадников особо никто не отреагировал. Не диковинка, стало быть, постоянно тут шарятся здоровенные двухметровые детины на крупных конях себе под стать, которых надо кормить, будь они неладны. Сто процентов – именно для того деревня с полем к крепости и пристроена. Эти, в кольчугах, типа ее охраняют, а те, в лаптях, на поле вкалывают, наверняка офигенно счастливые и довольные своей судьбой.

Когда троица подъехала ближе к двустворчатым воротам, я разглядел лучников на стенах, таких же габаритных, как и те, кто меня в плен захватил. Ну, блин, реально машины для убийства! В своем мире я людей с такими плечами от силы пару раз видел, и на них все оборачивались, словно посреди улицы ктулху повстречали. А тут подобные габариты, похоже, в порядке вещей. Офигеть, короче.

А потом у меня шея устала, и я вновь воткнулся носом в тряпку, которая вроде бы так и называлась – потник, хотя, может, и как-то по-другому, не силен я в лошадиной упряжи. Но лучше уж конской вонью подышать, чем голову себе свернуть, пытаясь рассмотреть, куда меня везут. Все и так выяснится в свое время.

Заскрипели ворота, всадники въехали внутрь крепости, спешились.

Их уже ждали.

– Говорите, – прогудел густой голос, похожий на звук колокола, по которому заехали дубиной.

– Да вот, батька, разбойника споймали (слово «тать» я для себя в итоге перевел именно так).

– Пошто сразу не убили?

– Да хотели, но Васька решил удаль молодецкую на нем отточить. Стрелой шапку за полста саженей с него сбил, а после попробовал в плен взять. Да только лапотник этот…

– Хорош! – рыкнул, видимо, доведенный до белого каления Васька. – Этот лапотник, батька, не простой разбойник, каких я один с десяток плевками поубиваю. Это воин, что сумел меня с ног сбить да о землю-матушку приложить.

– Да так, что ты шлем потерял и из сапог тебя чуть не вышибло, – ехидно вставил товарищ по оружию.

– Я тебя! – взбеленился Васька, но был остановлен колокольным «Хор-ррош!!!», от которого здоровенный конь, с которого меня снять никто не удосужился, аж слегка присел.

Внутри крепости повисла абсолютная тишина – видимо, обладатель столь зычного голоса обладал непререкаемым авторитетом. И он же после секундной паузы добавил:

– Не верю. Дохлый ваш пленник больно для воина.

Кто-то подал робкий голос:

– Дык Микула Селянинович тоже с виду неказист, а эвон насколько силен! Любого дружинника…

– Не любого, – жестко прервал говорившего местный громогласный авторитет. – Микуле мать сыра земля силу дает, и он один такой из крестьянских детей… Гхм… Ну не один, но я не в счет, просто у меня кость широкая.

– Да уж… – завистливо вздохнул кто-то.

– В общем, хорош лясы точить, – прогудел авторитет. – Снимайте пленника с коня, а то у него морда как спелая малина, того и гляди лопнет.

Приказ исполнили немедля.

Меня поставили на ноги, развязали. Понятно почему – бежать было некуда. Вокруг деревянные стены, возле них длинные бревенчатые строения – по ходу, казарма, конюшня, кухня, склады. А посредине что-то типа большой тренировочной площадки. Тростниковые мишени, утыканные стрелами, соломенные чучела, местами порубанные мечами, суровая полоса препятствий с торчащими из земли заостренными кольями различной длины, вкопанными под разными углами. Ну и что-то типа хорошо утоптанного ринга с темными пятнами тут и там – предполагаю, крови этот «ринг» впитал в себя немало.

Вокруг меня стояли здоровяки-дружинники в кольчугах, начищенных так, что от блеска глазам больно. И среди них один бородач выше любого на голову и в плечах заметно шире. Таких людей мне еще видеть не доводилось, даже среди прокачанных D-геном кремлевских дружинников подобных экземпляров не встречалось.

– Не, не верю, – покачал головой гигант, перехватив мой взгляд. И хмыкнул презрительно – похоже, мое офигение от его габаритов расценил как робость. – Ну-ка, Васька, выйди да покажи, поскользнулся ты или и взаправду лапотник тебя уделал.

Голова у меня болела адски – и от длительного висения вниз макушкой, и от удара по ней: похоже, плоской стороной меча меня по черепу долбанули. Руки-ноги тоже были ватными, так как, связывая меня, дружинники нисколько не позаботились о правильном кровообращении в моих конечностях.

И вот сейчас мне, как я понимаю, придется на том кровавом «ринге» доказывать здоровяку-Ваське, что я реально его уронил. Судя по выражению его лица, версия начальства о том, что он-де поскользнулся и потому упал, ему очень понравилась. В нее он поверил сразу, ухватился за эту идею как за спасительную соломинку и сейчас был готов разорвать меня надвое, лишь бы вернуть себе пошатнувшийся авторитет среди товарищей.

– Ты соберись лучше, – негромко сказал мне кто-то на ухо. – Разбойников у нас тут на стене вешают, чтоб у крестьян отбить охоту в леса сбегать. А воина могут и пощадить.

Я обернулся.

Чуть позади меня стоял дружинник ростом и габаритами немногим меньше начальника крепости. Только глаза внимательные, в которых, помимо несгибаемой воли и силы, глубокая житейская мудрость читалась. И совет от этого воина приехал дельный, потому что Васька уже вовсю разминался на «ринге», молотя воздух кулаками величиной без малого с мою голову. Помнится, на Руси всегда был в почете кулачный бой, и, судя по поэме классика, хороший спец в данном вопросе легко мог отправить соперника на тот свет одним ударом в грудную клетку. А Васька, судя по тому, как он двигался, был бойцом неплохим.

Короче, несмотря на головную боль и онемевшие конечности, пришлось мне выдвигаться к «рингу», на ходу психологически накачивая организм, готовя его к драке, которая для меня вполне могла закончиться отбытием на тот свет. Васька теперь будет максимально сосредоточен и настроен не нокаутировать меня, а именно грохнуть, так как подобный позор в среде профессиональных воинов смыть можно только кровью врага.

Я же, неторопливо шагая к «рингу», мысленно крыл себя последними словами, среди которых «тряпка», «слизняк» и «слабак» были самыми нежными. Хороший способ, кстати, накрутить себя, обзывая так, что если вдруг от другого такое услышишь – зарядишь в рыло не думая. Но самому ж себе по тыкве стучать не станешь, потому при высоком градусе подобной накрутки единственный выход выпустить пар – это разбить тыкву кому-то.

Так что к месту поединка я подходил с хорошим уровнем адреналина в крови, который, как известно, имеет свойство активизировать скрытые резервы организма, делая из тебя эдакого берсерка на минималках. Теперь мне было пофиг, что в руках-ногах чувствительность не до конца восстановилась, а башка трещит как котел, готовый вот-вот взорваться. В мозги теперь стучала не кровь, а холодная ярость, которая удесятеряет силы, одновременно позволяя не просто кидаться на противника, а делать это расчетливо, с умом.

У Долгополого такого преимущества не было. Его ярость застилала ему взгляд кровавой пеленой, что было видно по его покрасневшим глазам и приподнятой верхней губе – как у волка, готовящегося броситься на добычу.

Он и бросился, едва я вступил в круг, который по краям обступили дружинники с заостренными книзу щитами, образовав эдакий живой забор. Я едва успел уйти от его рывка – правда, не совсем. Все же выброшенный вперед кулак задел по плечу, отчего меня винтом развернуло и отбросило на чей-то щит. Однако распластаться на окованной железом деревяшке мне не дали – дружинник мощно вытолкнул меня щитом обратно в круг, так, что я на ногах не устоял.

И тут же на меня коршуном набросился Василий. Прыгнул сверху, сел на живот, занес кулачище, чтоб одним ударом вбить мою голову в арену…

Ну, на такой прием у нас контрприем рефлекторно отработан. Мощно прогнувшись в спине, я встал на локтевой «мостик», отчего дружинника, несмотря на вес, с меня снесло – опять же, не ожидал. Не учили его такому. Навалился бы тушей, ударив меня в горло предплечьем и вдобавок надавив как следует, – тут да, освободиться было б сложнее, мог бы и задушить. Но такому он тоже обучен не был. По ходу, мечами да луками местные воины владели отменно, а в рукопашке полагались лишь на силу и скорость. Существенные факторы, конечно, но все-таки арсенал хорошо отработанных приемов рукопашного боя тоже в драке вещь немаловажная.

Вася пролетел надо мной, звонко шмякнулся грудью о землю. Я же, извернувшись ужом, сел ему на расслабленную ногу, согнул ее в колене, зажал стопу, повернул. Для дружеского поединка можно было бы ограничиться болевым приемом, я же крутанул как следует, рассчитывая вывихнуть стопу, так как понимал: поднимется Вася на ноги – и мне несдобровать.

Однако прием не получился, уж больно здоров был дружинник. И неплохо обучен. Рванулся всем телом, и я, не удержав захвата, слетел с него как пушинка…

И вот мы снова на ногах, стоим друг против друга. У меня адреналин почти закончился, потратил все в считаные секунды непростого боя. А Вася, по ходу, уже понял, что в прошлый раз не случайно поскользнулся, а просто прощелкал нижней челюстью неизвестный ему прием, и теперь, зло прищурившись, готовился атаковать наверняка. Причем, скорее всего, ему на этот раз повезет, ибо я реально устал. И онемение в конечностях вернулось, и головная боль – тоже, что в бою ни разу не подспорье… Плюс плечо после удара дружинника я сейчас попросту не чувствовал – видать, заехал он душевно. Это на адреналине все пофиг, а когда начинает отпускать – осознаёшь, что «пофиг» кончился и

скоро онемевшая конечность начнет болеть по-настоящему!

Но решающего броска противника не произошло, так как с мачты над башней раздался зычный вопль, разнесшийся и над крепостью, и дальше…

– Печэнеги!

Все замерли на месте. И я – тоже, так как историю любил и вполне представлял себе, что мог значить такой крик…

Древнюю Русь многие века терзали кочевые народы, совершая опустошительные набеги. Хазары, половцы, печенеги, а после – Золотая Орда, с остатками которой разобрался лишь Иван Грозный только в шестнадцатом веке. А до этого война Руси с кочевниками была фактически непрерывной – то затухающей, то разгорающейся вновь с ужасающей силой.

Я, как практически любой человек своего времени, не являющийся историком, слабо представлял, чем те же хазары отличаются от печенегов. Но прекрасно помнил о том, насколько опасны в битве эти дети степей, прекрасно стреляющие из луков, имеющие мобильную конницу, не привязанную к медлительным обозам и способную совершать молниеносные дальние переходы, а также владеющие на тот момент самой оптимальной тактикой боя. Кочевник в походе вполне обеспечивал себя сам, довольствуясь малым, а в случае фатальной голодухи был приучен пить кровь своего коня. Ну а его низкорослая, неприхотливая лошадка жрала все что угодно: и траву, и насекомых, и сушеное мясо, и падаль, и даже кровь своего хозяина могла выпить, которой тот в экстренных случаях делился с нею, чтобы поддержать силы четвероногого боевого товарища в трудном походе. Потрясающий средневековый симбиоз человека и его лошади, являющийся залогом живучести и скоростных перемещений огромных орд степных налетчиков…

Василий моментально забыл о поединке и ринулся к своему коню, на котором висели щит и оружие. Остальные дружинники тоже бросились кто куда – одни на стены, другие к воротам. Похоже, каждый воин точно знал, что ему делать после того, как получен сигнал об атаке противника.

И крестьяне это знали тоже. Сейчас они сломя голову бежали в крепость через открытые ворота – как только успели? Вроде всего мгновение назад

наблюдатель заорал – и тут же лапотники ломанулись под защиту стен. По ходу, тоже тренированные. Жить захочешь – не так побежишь.

А мне что-то поплохело. Плечо отбитое ныло не по-детски, тошнота к горлу подкатила, да такая, что я душевно блеванул себе под ноги. Твою ж душу! То ли печень с желудком себе отдавил, катаясь на лошадке экстремальным способом, то ли траванулся разбойничьей едой не первой свежести. Хреново-то как, блин… Голова закружилась, на теле холодный пот выступил.

Но тут мне на плечо легла рука. Не рука – лапища медвежья. Меня, уже согнутого, от этого скрючило еще больше, едва не упал. Но лапища придержала мою тушку, пока я доблевывал, а после решительно разогнула и повернула лицом к себе.

Передо мной стоял тот самый дружинник, что мне перед боем с Долгополым посоветовал собраться. Который габаритами чуть меньше начальника крепости, но не особо. Блин, их где-то штампуют тут таких? Как-то слабо верится, что нормальная женщина способна выносить и родить эдакого амбала.

А амбал тем временем протянул мне небольшой кожаный бурдюк величиной с ладонь, плотно заткнутый деревянной пробкой. И сказал лишь одно слово:

– Пей.

Хуже, чем сейчас, мне точно быть не могло. Поэтому я не без труда вытащил пробку и влил в себя содержимое микро-фляги. После чего меня скрючило так, что я едва в лужу собственной блевотины не упал – спасибо амбалу-дружиннику, который меня в сторону толкнул, потому я рухнул на бок и от невыносимой боли застыл в позе эмбриона. Казалось, что проклятая жидкость с привкусом железа выжигает мои внутренности изнутри.

– Добр ты, Никитич, коль росу-живицу лапотникам раздаешь, – бросил какой-то воин, пробегавший мимо. – Не зря тебя Добрыней кличут.

– Лапотники тоже люди, – сказал тот, кого назвали Добрыней. – Ты хлеб жрешь, ими выращенный, так что имей уважение.

– Этот вряд ли хлеб растил, – сказал уже другой воин, несший к стене целую корзину стрел. – Разбойная рожа, сразу ж видать.

– По твоей тоже не сказать, что ты Ярило лучезарный, – хмыкнул амбал. И добавил, обращаясь ко мне: – Ты не вставай. Добры молодцы хорошо тебе брюхо намяли. Так что отлеживайся, пускай потроха внутри расправляются.

И ушел вслед за воинами на стену, куда вели широкие всходы. А я остался валяться в компании мужиков, одетых так же, как и я, растерянно жмущихся к центру крепости – вероятно, им казалось, что тут безопаснее.

Однако ошиблись они фатально.

Внезапно небо потемнело от тучи стрел, перечеркнувших облака… и упавших вниз. Тех, кто добрался до верха стены, обстрел задел не особо – помогли навесы, принявшие на себя львиную долю смертоносных подарков.

А вот в центре крепости все обстояло хуже…

Некоторые мужики, уже, видимо, попадавшие под аналогичный обстрел и знавшие, что делать, похватали габаритные мишени, расставленные на стрельбище, и прикрыли ими себя, а также нескольких женщин-крестьянок. Другие же, менее опытные и расторопные, стояли, задрав головы и заторможенно наблюдая, как сверху на них сыплются стрелы. Понятное дело, шок. Для большинства людей смерть – это что-то абстрактное, которое может произойти с кем угодно, только не с тобой. И когда она внезапно показывается перед человеком во всей красе, у многих наступает ступор, результат которого бывает плачевным.

Одному молодому парню, что стоял рядом со мной, открыв рот от удивления и запрокинув голову, стрела прям между зубов и влетела, пробив горло и выйдя из шеи ниже затылка. Еще в одного мужика аж четыре воткнулись, мигом сделав его похожим на большую подушку для иголок. Третьему стрела ногу пробила насквозь, так, что наконечник из-под колена вышел. Ну и мне, лежащему на земле, едва не досталось: прямо перед мордой одна воткнулась, дрожа, словно от ярости.

– К стенам бегите, мать вашу! Под лестницами прячьтесь! – заорал я, и сам, вскочив, бросился к тем самым лестницам, ведущим наверх, на стены. Откуда только силы взялись? Хотя чему удивляться – стрела, воткнувшаяся в землю в сантиметре от твоего носа, это очень действенный стимулятор, чтобы резко прекратить болеть и начать двигаться. Или же, как вариант, подействовало зелье Добрыни, от которого у меня наконец брюхо крутить перестало.

А между тем на стенах, пригибаясь, рассредоточивались дружинники. Лучники уже там старались, стреляя, пригибаясь, меняя позицию и снова стреляя. Правильная тактика. Намного сложнее попасть в воина, прячущегося за деревянным тыном: появляется над ним на мгновение, пускает стрелу и снова прячется.

Теоретически я мог схорониться под деревянной лестницей и дождаться победы. Дружинников либо печенегов. И никто из защитников крепости меня бы не осудил. Дело воинов – воевать, дело гражданских – не мешаться под ногами у тех, кто воюет.

Но я понимал: дружинников всего человек двадцать. А судя по туче стрел, затмившей небо, под стенами собралась серьезная орда. Конечно, и хилой крепости, и ее гарнизону конец. Сейчас посшибают кочевники стрелами со стены ее защитников, сколько смогут, а потом будет штурм. И лучше при том штурме погибнуть, чем попасться в плен. Средневековье вообще время довольно жестокое, и мне было совершенно неинтересно на своей шкуре проверять, что делают печенеги с пленными.

Поэтому я сейчас бежал к лестнице – и едва успел увернуться от падающего на меня тела.

Это был молодой дружинник в полном обвесе – кольчуга, шлем, меч у бедра, лук в руке, так и не разжавшейся, когда парню в глаз прилетела стрела с черным оперением. Счастливец. Он умер мгновенно, скорее всего, даже не почувствовав боли, когда стальной наконечник пробил мозг насквозь. Надеюсь, в этом бою мне повезет так же, как и ему.

Я остановился, снял с головы парня шлем, который ему уже точно не понадобится, выдернул меч из ножен и ринулся по лестнице наверх. Лук брать не стал: не настолько я мастер из него стрелять. А вот с мечом, пожалуй,

справлюсь, хотя тяжелый он, зараза. Зато рукоять длинная, можно двумя руками взяться, и уж таким хватом я его точно смогу опустить на головы штурмующих. Ибо я точно знал: за обстрелом следует штурм.

И не ошибся.

Когда я взбежал наверх, печенеги под прикрытием стрелков уже неслись к стенам – кто с лестницами, а кто просто с шестами. Двое за дальний конец держатся, один за передний, и в зубах у него сабля. Замысел понятен: пара задних на шесте поднимает третьего, который взбегает по стене – и, схватив саблю, обрушивается на головы защитников крепости.

Одного такого бегуна я принял на меч, выставив его перед собой. Печенег прыгнул не глядя – и насадился, как на копье. Не вышло стать героем, хотя кочевник явно к успеху шел. Не окажись меня на этом участке стены, он бы уже Ваську Долгополого своей саблей оприходовал сзади, так как тот был занят: ловко отбивался сразу от двух наседавших на него кочевников. Дружинник увидел меня краем глаза, кивнул – поблагодарил, типа, – и давай снова крутить мечом аки лопастями вентилятора. Мне такое никогда в жизни не повторить. Хорошо, что поединок с Васькой был на кулаках. На мечах он бы меня в две секунды в фарш порубил.

А на меня сверху уже следующий кочевник с шеста спрыгнул с занесенной саблей, визжа, словно ему перед забегом на стену тот шест в задницу засунули. Я еле отскочить успел, выпустив рукоять тяжелого меча, иначе б печенег меня надвое рассек своей саблей. И когда он провалился вперед от удара, я ему с ноги в брюхо засадил.

Конечно, лапоть – не берц и не сапог, потому удар получился не настолько сильным, как хотелось бы. Но и печенег, который был ростом ниже меня на полголовы, это не двухметровый дружинник, которому такой удар в лучшем случае слегка дыхание собьет.

Кочевник же, совершенно не знакомый с рукопашными приемами моего мира, удар пропустил, поймал его «ложечкой» и, хрипя, упал на колени.

Я не стал дожидаться, пока он прокашляется. Забрал из ослабевшей руки легкую саблю и, с выдохом вложившись в удар, срубил голову врагу. Такие дела.

Простой закон меча: если тебя не зарубил враг, значит, у тебя появляется шанс самому его зарубить. И упускать этот шанс глупо. Иначе за спиной ты оставишь того, кто рано или поздно тебя все-таки зарубит.

С саблей мне оказалось работать легче, ибо она была почти вдвое легче меча. Одну башку, появившуюся над тыном, я раскроил надвое – благо она не в шлеме была, а в меховой шапке – и тут же пожалел, что ударил по черепу сверху вниз.

Клинок оказался бюджетным – треть его застряла в черепе рухнувшего вниз кочевника, а у меня в руке остался лишь обломок сабли. Которым я еле отбил удар еще одного печенега, перелезшего через стену…

Фигово дело. Кочевник оказался плечистым и ростом мне не уступал. Плюс в руке у него была не сабля, а железная дубина с шипами, которой он еще раз саданул, метя мне в голову.

Я, конечно, увернулся, правда, не совсем удачно, больно уж удар был силен. Гвозди, торчащие из дубины, проехались по моей правой руке, от плеча до локтя, прилично распоров кожу. Немедленно рукав стал горячим и прилип к телу – потекла кровушка, причем довольно обильно. Когда кожу железякой взлохматят, обычно так оно и происходит. Рана, по ходу, не опасная, но хлещет из широких борозд знатно.

Думаю, третьего удара бы не последовало, так как раненым, обессиленным и с обломком сабли воевать против свежего и сильного противника – так себе идея. Но внезапно словно молния сверкнула, промелькнула от плеча до плеча печенега, отделив его голову от тела.

Кочевник знатно удивился. Глаза узкие округлил, тонкие брови вверх задрал, лоб наморщил, соображая, что это за новые, невиданные ощущения его настигли. А потом башня его щекастая на туловище не удержалась, покачнулась и свалилась вниз, гулко долбанув шлемом о доски. Фонтан крови ударил вверх, но не помешал мне хорошо рассмотреть эпичное зрелище.

На стене рубился тот самый огромный начальник крепости – и это было что-то!

Двигался он с невообразимой скоростью, одну за другой срубая головы кочевников, лезущих на стены. Казалось, что у тех жбаны просто сами

скатываются с плеч, а огромный сверкающий меч, вентилятором вращающийся вокруг громадного воина, как бы и ни при чем.

Кстати, меч был просто фантастический!

В ножнах он казался обычным. Рукоять, крестовина, ничего особенного. Но в руках витязя он превратился в полосу стали, горящую изнутри неестественным, потусторонним, слепящим светом, будто само солнце напихало своих лучей в оружие средневекового воина, и сейчас они силились вырваться наружу, но у них это не очень хорошо получалось.

Да и сам меч теперь был раза в два длиннее, чем положено. Может, конечно, это был оптический эффект, но я помнил, как однажды моя «Бритва» тоже превратилась в длинный и тонкий луч, разящий врагов на значительном расстоянии. Так, может, и в руках этого супервоина сейчас что-то подобное?

Сами дружинники подались в стороны, освобождая место на стене, так как здоровяк, похоже, впал в неистовство берсерка и вполне мог в этом состоянии ненароком порубить и товарищей по оружию. Он своим мечом несколько раз случайно по бревенчатой стене задел, так в этих местах заостренные концы бревен как лазером срезало напрочь!

Конечно, вражьи конные лучники полностью переключились на начальника крепости, осыпая его градом стрел. Но, во-первых, двигался он настолько быстро, что попасть в него было делом непростым. Во-вторых, все его тело прикрывала стальная броня существенной толщины, в которой обычный человек вряд ли бы смог даже руку поднять – причем бронепластины крепились на кольчуге, потому не стесняли движений, а лицо мечника полностью прикрывала стальная маска, то ли надетая под шлем перед боем, то ли являющаяся неотделимым элементом этого шлема.

А еще супербойца окутывал видимый ореол света, особенно хорошо различимый в районе головы. И я точно успел заметить пару раз, как стрелы, точно летящие в лицо воина, встретившись с тем ореолом, изменяли направление и пролетали мимо.

Короче, по моим ощущениям, не прошло и минуты, как стена была очищена от нападающих, а те, кто только собирался лезть на лестницы, почему-то резко

передумали это делать и резво чесанули обратно, к своим лошадям. Лучники тоже, видимо, решили поберечь стрелы и повернули коней в сторону, противоположную крепости.

А еще я заметил всадника на черной лошади в черненом доспехе, что замер вдали на пригорке, наблюдая за ходом сражения. И когда стало понятно, что штурм не удался, он неторопливо повернул коня и поскакал к реке, откуда, как я понял, и пришла орда.

– Опять Варяг нечисть привел, – сплюнул кровью дружинник с разбитым лицом – то ли краем щита ему прилетело, то ли рукоятью вражьей сабли.

– Да какой это варяг, – скривился второй воин. – Варяги воины справные, воюют сами, своею силой. А этот не варяг, а так… варяжко, который подло степняков на русские крепости натравливает.

– За князя своего Ярополка мстит, как умеет, – проговорил Добрыня, пряча мощный лук в колчан. – Но то дела княжьи. А наше дело – заставу богатырскую защищать.

– Защитили б мы ее сегодня без Ильи-то, – мрачно сказал дружинник и тут же получил по затылку крепкую затрещину, от которой я бы наверно просто умер.

– Для тебя, отрок, он Илья сын Иванович или ж батька атаман. Еще раз услышу подобное, оплеухой не отделаешься. Понял?

– Как не понять, дядька старшина, прости за слово нечаянное! – охнув, проговорил дружинник.

– То-то же, впредь за языком следи, что он мелет, – проговорил Добрыня. – А теперь пошли, чего встали? Дел невпроворот. – Проходя мимо меня, остановился и добавил негромко: – А ты хорош, селянин. Хил, правда, телом, но духом справен. Найди девку Алену, вроде я видел, что жива она. Должна быть в том доме. Скажи, что я послал, дай ей это. Она знает, что делать.

После чего, вложив мне в руку кожаный мешочек, перевязанный бечевкой, пошел дальше. После боя, и то верно, у военных людей обычно много работы:

своим раненым помочь, чужих добить, добычу собрать, трупы побыстрее закопать, чтоб не воняли, крепость поправить, где надо, после осады. Кстати, теперь понятно, почему ее, такую неважную с виду, еще не взяли печенеги. И вряд ли возьмут, так как лично я, например, совершенно без понятия, как это провернуть, коли ее защищает такой мощный и неуязвимый воин, как Илья Иванович.

* * *

Девка Алена оказалась будто с картинки – глазищи голубые, губы алые как маков цвет, русая коса в руку толщиной, фигура под простым домотканым сарафаном угадывалась умопомрачительная. Впрочем, я успел заметить, что местные крестьянки, что с поля прибежали, почти все той же породы – русые и как минимум симпатичные.

Однако Алене до своей внешности не было никакого дела. Она работала. Когда я зашел в один из длинных домов, на который указал Добрыня, девушка как раз укладывала раненого на широкую деревянную лавку, залитую свежей кровью. Неудивительно, так как эта часть дома была отведена под лазарет, где на таких же лавках лежали еще трое раненых.

Что показательно, Алена мужика, чья нога была пробита стрелой, на лавку уложила сама, без чьей-либо помощи. Так бы он охал да стонал минут десять, пытаясь половчее улечься, чтоб ногу не растревожить, но пострадать у него не вышло. Алена слегка присела – и я даже не понял, каким приемом она крестьянина на лавку определила. Раз – и лежит, постанывает.

Девица же наконечник стрелы, торчащий из ноги, пальцами отломила от древка, после чего само древко просто выдернула. Мужик заорал было, но тут же заткнулся, когда Алена шикнула на него, сверкнув глазищами:

– Тихо, Ванька, леший тебя задери! Не мужик, штоль? Терпи!

Однако суровая у них тут медицина. Что-то как-то мне с моей ободранной рукой наружу захотелось. Ну на фиг, не такое заживало. А попадешь к этой Алене в белы рученьки – света белого невзвидишь.

Но я остался, потому как дальше было интересно.

Девица достала из-под лавки деревянную коробку, открыла – и из нее свет полился, словно из бандитского чемоданчика в известном фильме. Алена же извлекла из светящейся коробки то ли два камешка, то ли пару жирных светляков, после чего ловко примотала их длинной тряпкой к ноге раненого с двух сторон.

– Теперь лежи, – сказала строго. – К завтрему нога как новая будет. Если все доживем до завтра.

И, посмотрев на меня, сказала:

– Ну а ты чего встал? Иди, показывай, как тебя печенег приласкал.

– Откуда знаешь про печенега? – усмехнулся я. – Может, я, как все, под лестницей сидел.

– Видела, – улыбнулась Алена. – Ловко ты по стене прыгал. Хилый, да увертливый. И смелый для селянина. Иди сюда, гляну твою рану. Как звать-то тебя, добрый молодец?

Я рот было открыл – и задумался. Сказать, как есть? Так у них тут Иванов, по ходу, каждый второй, окликнут – не поймешь, кого позвали, тебя или одного из десятка тезок, что рядом ошиваются. Пришлось назваться так же, как в мире Кремля.

– Снаром кличут.

Алена наморщила лоб, разглядывая кровоточащие борозды у меня на руке.

– Как? Снар? – переспросила девушка. – Из иноземцев, штоль?

Я кивнул.

– Иноземцев тут не жалуют, – покачала головой девушка. – Лучше по-другому назовись.

Здоровой рукой я почесал в затылке, прикидывая, какие имена были популярны в Древней Руси. Ничего в голову не приходило, кроме Иванов. Хорошо, Алена помогла:

– Взгляд у тебя больно суров. Вот и будь Сургом. А откуда будешь?

Я прикинул местную географию, чтоб подальше отсюда и говор неместный можно было объяснить. Так-так… Вроде Суздаль уже должен был быть в печенежьи времена.

– С-под Суздали.

– С Суждали? То есть беглый, иначе чего б тебе в наших краях делать, – кивнула Алена. – Это ничего. Ежели спросят, говори, что беглый рядович Варяга, таких наши князья привечают. Да только гляди, чтоб не осмердили, наши это умеют. Ряд предложат, бересту подпишешь, а там глазом моргнуть не успеешь – уже в смердах ходишь. Грамоте-то ты не учен, сразу видать, и что там в бересте написано – одному Велесу известно.

Не сказать, что я понял, о чем говорила Алена, так как одновременно она штопала мои раны довольно толстой иглой, и было это, мягко говоря, неприятно. И слово «смерд» ухо не ласкало. Вроде так рабов в Древней Руси называли, но это не точно.

Как бы там ни было, никаких берест я подписывать не собирался. Хотя, конечно, хотелось бы понять, что мне делать дальше. В поле ковыряться да репу культивировать, так как картошку в эти места завезут еще столетий через семь? Оно, конечно, хорошо пожить на свежем воздухе и натуральных продуктах, не отравленных химией, но подозреваю, что крестьянский труд мне очень быстро осточертеет. Ладно, как бы там ни было, а обстановку разведать надо, и говорливая девица для этого подходила как нельзя лучше.

Пока она зашивала мои глубокие борозды на руке, я успел выяснить, что сейчас на дворе вересень 6509 года от сотворения мира, что стольный Киев-град находится в ста поприщах отсюда, а может, и более, что застава богатырская прикрывает Киев с севера от кочевников, которые повадились под руководством хитрого Варяга обходить хорошо укрепленные Змиевы валы и нападать на Киев

с более уязвимой стороны. И что застава эта у них словно кость в горле, да только никак не выходит у них ее взять, посколь защищают ее опальный богатырь Илья Муромец да Добрыня Никитич с товарищами. Вот только камней-живиц почти не осталось, а без них ни раны залечить, ни силушки богатырской от матери сырой земли не получить. Оттого скорая погибель ждет заставу, которая еще одного штурма точно не выдержит.

– Камней-живиц? – переспросил я. – Это, типа, драгоценные камни такие, что ли?

– Как есть нездешний, – вздохнула Алена. – То камни волшебные, что в Черной Боли добываются. Только в последнее время туда ходу нет. Больно много нечисти там развелось. В этом году все добры молодцы, что туда ходили, не вернулись… А Илье Муромцу недосуг: уйдет – кто ж заставу защищать будет?

– Погоди, погоди, – насторожился я, опасаясь, что ослышался. – Как место называется, куда за камнями волшебными ходят?

– Черная Боль, – слегка удивленно проговорила девица, произнеся эти два слова так же, как в наше время звучат они на украинском языке. А именно – «чорна біль».

– Сильно, – в замешательстве пробормотал я, осознавая и сопоставляя услышанное, ибо что «чорна біль», что «Чорнобиль» на украинском звучат практически одинаково…

А на русском это будет «Чернобыль».

Город, неподалеку от которого 26 апреля 1986 года на Четвертом энергоблоке Чернобыльской АЭС произойдет взрыв, последствия которого будут поистине ужасными. Сейчас, в моем времени, на этом месте находится огороженная кордоном Зона отчуждения – территория, куда людям проход строго воспрещен, так как там, за рядами колючей проволоки, их ждет смерть… или богатство, так как за артефакты, которые можно найти в Зоне, по другую сторону кордона торговцы платят баснословные деньги. Эти артефакты могут подарить нескончаемый запас энергии, абсолютное здоровье, удачу в любых делах – да мало ли на что еще способны предметы из другой вселенной, которые словно на свалку выбрасывают «мусорщики» – существа из другого мира, для которых эти волшебные «самоцветы» не что иное, как отходы производства.

Так, может, то таинственное место, которое жители Древней Руси прозвали Черной Болью, через тысячу лет станет той самой Зоной отчуждения, которую я успел изучить как свои пять пальцев?

А разговорчивая Алена продолжала болтать, благо работы у нее больше не было, а свежие уши в этих местах, похоже, попадаются нечасто.

– Дружинники-то наши, здоровенные, как медведи, это тоже оттуда. Илья Иванович, богатырь наш несравненный по прозванию Муромец, помнится, принес как-то груду живиц, а еще камни-самоцветы. Люди говорили, что он аж до самого Алатырь-камня дошел, что желания исполняет, и попросил у него дружину непобедимую. И дал ему Алатырь-камень тридцать три самоцвета волшебных. Ежели к груди тот самоцвет приложить, то он в тело уйдет, прямо в сердце проникнет и силу даст воину непомерную. Вернулся Илья из Черной Боли, раздал каменья драгоценные верным друзьям своим и получил дружину непобедимую. Стало на Руси тридцать три сильномогучих богатыря, а Илья среди них самый сильный, так как не Алатырь-камень дал ему самоцвет особенный, а люди перехожие, что между мирами гуляют, как по деревенской улице, напоили его водою со всех рек да озер Руси-матушки, а еще росою, со всех известных миров собранной.

Алена говорила нараспев, уставившись в одну точку. Голос у нее был сильный, красивый. Даже раненые, вроде как заснувшие, поскольку глубокий вечер уже на дворе, приподнялись – и слушали, боясь проронить звук. Ну да, что еще делать в те времена, когда не было ни планшетов, ни телефонов, ни телевизоров, ни интернета? Только воображение качать, слушая былины, похожие на красивые песни без рифмы.

А Алена продолжала:

– Роса та, что Илья Муромец испил, помимо силы богатырской дала ему способность вражий меч да стрелу отводить, ночью видеть врагов, словно днем, скакать на коне своем Бурушке-косматушке так, что за единый поскок конь тот одним копытом бьет в Киеве, другим в Чернигове, третьим в Царьграде, а четвертым – на краю света…

«Хороший артефакт преподнесли перехожие Илье Муромцу, – подумал я, мысленно усмехнувшись. – Три в одном: защитное поле, тепловизор и телепорт.

Позавидовать можно».

– А еще Святогор-богатырь Илье нашему, умирая, свой меч подарил. Рубит тот меч все – и головы вражьи, и доспехи любые, и камень-гранит, и двери в Ирий, куда навечно уходят мертвые.

«Ишь ты, прям как моя “Бритва”! – подумал я. – Пришла подарком умирающего воина, рубит все что угодно, в том числе и границы между мирами. Только у меня нож, а у Ильи – меч, который я сегодня видел в деле. По ходу, из одинаковых артефактов наше оружие ковали».

Сказать, что я разволновался, – это ничего не сказать! Сам не заметил, как кулаки сжались так, что по руке снова побежала теплая струйка – не иначе, швы разошлись. Алена это заметила, прервалась, бросилась ко мне с белой тряпкой, стала вытирать кровь, приговаривая:

– Эх, нет у меня больше камней-живиц, все раздала, да и силы в них осталось чуть. Кто б сходил в Черную Боль, к Алатырь-камню, набрал новых, а то раненых лечить нечем. Тебе б такой камень к ранам приложить – завтра был бы как новенький.

Вместо ответа я протянул девушке мешочек, который дал мне Добрыня. Она взяла, развязала – и ахнула, достав оттуда четыре жирных «светляка», горящих ярко, словно маленькие светодиодные фонарики.

– Живицы, – разулыбалась Алена. – Свежие, полные. Откуда такое?

– Хороший человек дал, – усмехнулся я, отмечая про себя, что улыбка девушки мне очень даже нравится, даже про боль от раны забыл.

Да и все остальное тоже притягивало взгляд к ней. В наше время подобных валькирий нечасто встретишь. А если и пересекутся дорожки с такой вот девицей, то зачастую захочется пройти мимо, ибо понтов там будет километр и запросов вагон. Хотя, говорят, встречаются исключения, лишь подтверждающие общее правило, и найти такое исключение – это как разыскать ценнейший артефакт без темной обратной стороны. Бывалые сталкеры говорили, что таковые порой встречаются в Зоне, но мне пока что подобный арт не попадался.

Когда Алена примотала «живиц» тряпицей к моей руке, по ней сразу разлилось приятное тепло. И в сон потянуло – так, будто сто вагонов разгрузил и маленькую тележку в придачу. Едва с лавки не свалился, на которой сидел.

– Ложись, спи, воин, – ласково улыбнулась Алена. – Утро вечера мудренее.

Второго приглашения мне не потребовалось. И подушки, и одеяла – тоже. Бывают случаи, когда простая широкая деревянная лавка заменяет и кровать, и все прилагающиеся к ней удобства моего времени.

* * *

Проснулся я от ощущения в боку, что все-таки кровать или на худой конец подстеленная под тушку брезентовая плащ-накидка лучше, чем деревянная лавка.

Я приподнялся, потирая онемевший бок – и обнаружил, что делаю это раненой рукой совершенно безболезненно. Удивленный таким фактом, я размотал тряпку, и на пол с глухим стуком упали несколько камешков без малейших признаков свечения.

– Первый раз подобное вижу, – раздался сзади женский голос.

Я обернулся – и все вспомнил.

Надо же, а я, просыпаясь, думал, что все это мне приснилось. Получается, что нет. Я сейчас в глубоком средневековье, а эту девицу-красавицу зовут Алена. Она вчера зашивала мне располосованную руку, потом лечила светляками, которые дал мне богатырь по имени Добрыня. Только рука теперь как новая, из которой непонятно зачем торчат нитки швов. Даже шрама нет. А светляки больше не светятся, от слова совсем.

– Живиц обычно надолго хватает, – с грустью произнесла Алена. – Я б ими еще сотню таких ран залечила.

– Увы, не судьба, – произнес я, ощущая тепло в правой руке. Даже не тепло – жар, будто у меня резко от кисти до локтя поднялась температура градусов до

пятидесяти. Понятно теперь, кто забрал энергию живиц…

Однако продолжить разговор нам не дали. Дверь распахнулась, и в лазарет вошел дружинник. И, войдя, зычно рявкнул:

– Эй, разбойник, на выход!

Понятно, это мне. Вчера, значит, был селянин, когда на стене махался, а сегодня уже разбойник. Ну ладно, на выход так на выход.

Снаружи солнце уже успело подняться довольно высоко. Мертвецов было не видать, луж крови тоже – по ходу, за ночь и за утро успели прибраться. На стене стучали топоры, то мужики поправляли тын. Плечистая тетка с коромыслом прошествовала к колодцу, со стороны кухни тянуло съестным, внутри склада кто-то ожесточенно молотил железом о железо. Ну да, атаку отбили, жизнь пошла своим чередом. Самое время порешать, что делать с разбойником.

Решать собрались с десяток воинов, на том же утоптанном месте, где мы с Васькой Долгополым вчера соревновались в искусстве набития лица ближнему. Видимо, это у местных из-за недостатка свободного места было что-то типа городской площади, где обсуждаются важные вопросы.

Дружинник втолкнул меня в круг и тут же шагнул назад. Это правильно, иначе б за толчок схлопотал в глаз, не посмотрел бы я, что он выше меня на голову. Но в строю рядом с ним стояли такие же громилы, положив ладони на рукояти мечей, и я сдержался. В мои планы сейчас совсем не входило быть зарубленным из-за страстного желания заехать хамоватому амбалу в рыло. Подождем, всему свое время.

Речь начал Илья Муромец.

– Ну что, братия, – произнес он, огладив бороду ладонью размером с лопату. – Вот перед нами разбойник, отловленный возле Толстого леса, где любят прятаться беглые холопы и лихие люди. Одежа на нем краденая, селянин Тит Сеятель признал, что снята она с Тришки Кривого, пропавшего на охоте месяц назад. То есть, вполне вероятно, снята с убитого. Однако вчера он лихо бился на стене с вражьей силой, наравне с нами. И, стало быть, надо решить, что с ним делать. Что скажете, братья?

– По Правде пусть виру заплатит за голову Тита, и все дела, – предложил Добрыня. – Воин он справный, одежу мог купить аль с найденного мертвеца снять. Но поскольку доказать это не получится, то пять гривен за смерда – справедливая вира. Хотя норды даже рабу, что рядом с ними бился, вольную дают и за общий стол с собой сажают.

– Не обессудь, есаул, но норд сегодня тебе друг – а завтра смотришь, уже твое село жжет, мужиков рубит, а баб и детей в полон забирает, – запальчиво выкрикнул Васька Долгополый. – У нас тут не Киев, где князь со своей гридью по Правде живут. Нам от печенегов спасу нет, а тут еще разбойный люд селян наших режет, в лес по грибы-ягоды не сходишь. По мне, так повесить татя на стене – самое правильное решение, чтоб другим неповадно было.

Разгорелся спор. Некоторые поддержали Добрыню, но большинство было за то, чтоб все-таки татя повесить – видать, и правда достали жителей крепости лесные разбойники. И, судя по ухмылке Долгополого, вопрос был практически решен, оставалось лишь поставить точку, которую вряд ли смог бы оспорить даже Илья Муромец. Я уж совсем было подумал, что придется врукопашную пробиваться к воротам, а дальше как кривая вывезет – хотя понятно, что попытка бегства практически со стопроцентной вероятностью закончится стрелой меж лопаток.

Но тут к Илье подошла Алена, поклонилась, и что-то прошептала на ухо. Богатырь кивнул и поднял руку.

– Послушайте, братья. Тут мне сказали, что помимо всего этот тать нашей общине знатный убыток причинил, Добрынин запас живиц извел. Так что ежели ранят кого из нас, лечить его нечем.

На мгновение над площадкой повисла тишина – дружинники переваривали инфу, после чего стали говорить наперебой. Видимо, ругать есаула, отдавшего неприкосновенный запас медикаментов не пойми кому, было не принято, потому даже те, кто был за виру, теперь переметнулись на сторону ратовавших за повешение.

Но тут Илья вновь поднял руку – и тут же все заткнулись как по команде. Знатный авторитет у батьки, ничего не скажешь.

– Вижу, о чем вы думаете, братья. Я мыслю о том же – разбойник должен висеть на тыне. Но, с другой стороны, оттого что он там повиснет, живиц у нас не прибавится. Потому предлагаю: нехай супостат в Черную Боль сходит. Принесет горсть живиц – будет ему прощение. Пожрет его нечисть лесная – значит, туда ему и дорога.

Дружинники задумались, зачесали в затылках. Забавно, конечно, что мне в этом судилище никто слова не дал, но я особо и не рвался – еще не хватало оправдываться за то, чего не совершал. Между тем голос подал Долгополый, что стоял рядом со мной, держась за меч, готовый в случае чего смахнуть мне голову с плеч. Сказал негромко:

– Не завидую я тебе, человече. Советую, как выбирать предложат судьбу свою, попросить веревку. Говорят, в Черной Боли смертушка недобрая, мучительная. А тут раз – и все.

– Благодарю, добрый молодец, за участие, но я уж как-нибудь без чужих советов обойдусь, – усмехнулся я.

А Илья и правда выбор предложил – повешение или поход в страшный лес, которого, по ходу, даже дружинники побаивались. И тоже предупредил насчет мучительной смерти.

– Предпочитаю помучиться, – лаконично ответил я.

Муромец кивнул.

– Вот и славно. Для воина лучше почетная смерть в бою, чем позорная от веревки. Но по нашей богатырской правде идти на испытание придется в том, в чем сейчас стоишь, и оружия тебе никто не даст.

– Да похрен, – сказал я. – Хватит трепаться, люди добрые. Пойду я, пожалуй.

Дружинники расступились, освобождая путь к воротам. При этом я краем глаза заметил, как Илья кивнул двоим, которые пошли за мной. Ясное дело, кто ж разбойника на волю без конвоя отпустит. Да и показать дорогу к тому лесу заповедному не вредно. В Зоне своего мира я ориентировался как у себя дома,

но тут, понятное дело, все было по-другому – хотя чуйка моя подсказывала, что застава богатырская находится примерно в районе современного села Ораное. То есть совсем неподалеку от аномальной Зоны моего мира.

Интересно… Сдается мне, что заставу с крутыми богатырями здесь поставили не случайно, а примерно с теми же целями, что кордон в нашей вселенной. Чтоб те, кому не положено, за артефактами в Черную Боль не лазили. И чтоб отлавливать на обратной дороге тех, кто все-таки пролез на аномальную территорию и теперь идет с добычей обратно.

Чем дальше мы отходили от заставы, тем я все больше укреплялся в своих предположениях. Лес, к которому мы направлялись, был реально черным, непроходимым с виду. И все подходы к нему прекрасно видны из заставы. Решит местный сталкер пробраться в заповедную чащу, тут его и настигнет стрела, пущенная метким лучником, или же конный разъезд здоровенных бронированных амбалов, с которыми махаться себе дороже.

Кстати, в меткости местных лучников я убедился еще раз. Один из моих конвоиров внезапно вскинул лук, выстрелил – и прямо к его ногам упала оглушенная утка, в перьях которой застряла тупая стрела с рогулькой на конце вместо наконечника. Лучник добычу подобрал, стрелу отправил обратно в колчан, деловито свернул вяло трепыхавшейся утке шею, быстро и профессионально ощипал добычу на ходу, после чего сунул тушку в кожаную суму, висящую на боку. Будет привал, выпотрошит, поджарит, схомячит. И ни к каким торговцам за жратвой ходить не надо.

От заставы к лесу вела одна протоптанная дорога через поле, в дальнем конце которого я разглядел камень существенных размеров. Вряд ли его могли приволочь сюда люди – думаю, это работа ледника, который в незапамятные доисторические времена таскал за собой эдакие глыбы в рост человека.

Подойдя поближе, я разглядел, что камень грубо обтесан с одной стороны в плоскость, на которой красовалась надпись, выполненная буквами, похожими на наши, но хрен поймешь, что написано. И разделения на слова и предложения нет, накарябано все в одну строчку.

– Что за таблоид? – поинтересовался я.

Дружинники скривили презрительные рожи.

– Для тебя, басурманин, поясню, – процедил один сквозь зубы. – То камень подорожный, и начертано на нем: «Налево пойдешь – убиту быть, направо пойдешь – убиту быть, прямо пойдешь – лютой смертью погибнешь».

– Доступно, – кивнул я. – Помнится, в русских былинах все было менее радикально и более вариативно. По ходу, что-то подобное я уже видел, типа: «Стой, опасная зона, ведется огонь на поражение».

Воины переглянулись. Понятно, что они ничего не поняли из моего стеба. Ну и пофиг, в общем-то.

– Поясняю, дурень иноземный, – сочувственно произнес мастер стрельбы по летящим уткам. – Налево болота гиблые, направо – степь печенежская, а прямо – Боль Черная, страшная, место проклятое. Только скажи, мы тебя здесь на мечи насадим, Илья Иванович нам такой наказ дал, если ты устрашишься.

– Сам на свою зубочистку насадись, чурбан железноголовый, – посоветовал я. И, видя, как наливается кровью лицо дружинника, добавил, направляясь в сторону черного леса. – Всего хорошего, добры молодцы, смотрите, чтоб утка в горле не застряла или еще где-нибудь.

Думаю, если б не приказ Ильи, они б меня догнали и реально мечами закололи. Но дальше камня не пошли, остались, пыхтя от ярости, как два паровоза.

– Мы тебя здесь подождем до вечера, – мстительно сказал мне в спину один из дружинников. – Хотя, думаю, ты и до полудня не протянешь в Черной Боли.

– Надо же, оно еще и думает, – входя в лес, пробормотал я, на всякий случай вполголоса. Парней я довел знатно, еще не хватало, чтоб мне в затылок стрела прилетела. Пусть даже тупая, на дичь, по-любому мало не покажется. А мне это сейчас совершенно ни к чему, так как любой поход в аномальную Зону требует максимальной сосредоточенности.

Тем более – в средневековую Зону, когда не знаешь, чего ожидать впереди.

И тем более – без оружия…

* * *

Конечно, оружие у меня было: «Бритва» моя, что пекла мне сейчас предплечье изнутри. Но она – на крайний случай. Выхватить всегда успею, достаточно мысленного приказа. А без повода ее доставать совершенно не хочется, ибо больно, блин, когда у тебя из руки на скорости вылетает увесистая железяка. Пусть уж лучше пока внутри меня посидит.

Тем более что в отличие от разбойничьего Толстого леса с живыми корнями Черная Боль пока выглядела не особо опасной. Правда, многовековые деревья с гигантскими кронами не пропускали солнечный свет, оттого лес казался довольно жутким. При этом все же можно было рассмотреть, куда ногу ставить, так как возле древесных корней слабо светилась какая-то гниль. И наросты на самих деревьях, похожие на большие нарывы, тоже фосфоресцировали, добавляя света – и заодно жути к и без того мрачной картине леса.

Но мрачно не всегда значит опасно, и пока что я шел вперед без особых проблем. Ну да, стволы деревьев в три обхвата стояли довольно близко друг к другу, но это помеха невеликая – обошел и дальше иди себе…

Стоп!

Впереди между двумя толстенными стволами кто-то замер. Похоже, человек. Разбойничья засада?

Я тоже встал как вкопанный и с минуту вглядывался в странную фигуру, раскинувшую руки. Поза человека казалась неестественной. Разглядеть бы получше, но поди рассмотри что-то, когда солнечный свет почти не пробивается сквозь густую листву.

В общем, надоело мне торчать на одном месте, и я, аккуратно переставляя ноги, чтобы не хрустнуть сухой веткой, попавшей под лапоть, двинулся вперед.

И через десяток шагов рассмотрел…

Это был дружинник. В полном боевом снаряжении, при кольчуге и шлеме. Правда, щит и меч валялись у него под ногами, а сам он запутался в паутине, практически невидимой в полумраке глухой чащи.

Я подошел ближе – и невольно поморщился.

Лицо дружинника было съедено. Мясо все обгрызено до черепа, лицевые кости сломаны. По ходу, неведомая тварь разгрызла их, пытаясь добраться до мозга…

Плохая смерть. Воин наверняка умирал долго и мучительно, судя по скрюченным остаткам пальцев, сломанных в нескольких местах. Такое случается, когда человек испытывает невыносимую, адскую боль, не обращая внимания, как его хрупкие кости трескаются от давления на нити паутины, которые, похоже, были тверже железа.

И тут я почувствовал взгляд.

Спиной.

Шеей.

Затылком…

Такое бывает, когда в меня кто-то целится из огнестрела…

Я отшатнулся, и в шею мертвого дружинника ударила стрела – так мне показалось вначале. Правда, через долю секунды мозг прогрузил информацию и выдал, что это, скорее, похоже на арбалетный болт, от удара которого по останкам мертвеца разлетелись зеленые брызги.

Но это было уже неважно – какая, на хрен, разница, чем в тебя стреляют? Главное, что стреляют!

Я резко пригнулся, подхватил с земли оброненный дружинником меч и, отпрыгнув в сторону, обернулся.

Ну и пакость!

Позади меня стояло толстенное вековое дерево, из большого дупла которого на меня смотрело лицо. Похоже, женское, только уродливое до жути, словно его содрали с человека и натянули на сучковатую корягу. Тварь, что сидела на краю дупла, была похожа на огромного паука с членистыми лапами, оканчивающимися человеческими ладонями с длинными пальцами. А еще у этого получеловека-полунасекомого было толстое гладкое брюхо, из пупка которого выглядывало жало – которое в следующую секунду полетело в меня.

Я за время своих путешествий по разным вселенным Розы Миров много всяких тварей видел, но эта по уровню отвратности, несомненно, лидировала. Даже в мантикоре была своеобразная грация. А то, что восседало на краю дупла, свесив вниз членистые ноги с человеческими ступнями, было просто концентрированной пакостью. В которую я, уклонившись от летящего в меня жала, метнул свой меч на манер копья.

У дружинников мечи длинные и тяжелые, нормальному человеку за двуручник сойдет. Или как сейчас – за метательный снаряд, который воткнулся твари прямо в пупок, из которого медленно вылезало следующее жало. Надо же, я – и не промахнулся, бросив в противника что-то острое! Видимо, очень мне это было надо, а в таких случаях у людей часто получается то, к чему они способностей не имеют.

И немедленно мне по ушам ударил истошный визг. Тварь орала так, что того и гляди барабанные перепонки лопнут. Я зажал ладонями уши, чтоб не оглохнуть, но смотреть, само собой разумеется, продолжал.

А паукообразная пакость тем временем схватилась за меч всеми лапами, дернула – и, не удержавшись на краю дупла, свалилась вниз, разбрызгивая во все стороны темно-зеленую жидкость, брызжущую из раны.

Я же не стал ждать, пока человекопаук выдернет из себя меч. Подбежал, заехал с ноги по кривой харе, словно по футбольному мячу. Членистые лапы отпустили меч и рванулись ко мне, но я, поднырнув под них, выхватил из раны практически уже вытащенный тварью меч – и изо всех сил ткнул им в глаз монстра.

Бьющий по ушам визг прервался, сменившись хрипом. Тварь дернула еще раз своими многочисленными конечностями и затихла…

Кажется, я победил на этот раз. Правда, на лицо попали капли крови монстра и теперь слегка жгли. Неприятно. Я стер их рукавом… и увидел на материи пузырящийся лоскут собственной кожи.

Боли не было, лишь небольшое жжение. Но нетрудно понять, что происходит: ядовитая кровь твари растворяла мое лицо: щеки, лоб, подбородок просто медленно сползали вниз. Видимо, в той крови содержался какой-то мощный анестетик, потому я практически ничего не чувствовал… Но понимал – процесс идет медленно, зато неуклонно, и скоро яд доберется до костей. Нужно было что-то делать, и быстро…

Есть у моей «Бритвы» отличное качество – она не режет мясо своего хозяина, зато замечательно сносит все остальное. Потому бриться ею одно удовольствие: провел по щеке, нажимая довольно сильно – и все, второго раза не потребуется, кожа гладкая настолько, что аж неприятно на ощупь, так как тактильные ощущения неестественные. Даже если побрился дорогим станком, все равно микрошероховатости чувствуются. А тут морда будто у отполированной мраморной статуи, да еще и теплая к тому же. С непривычки раньше хотелось руку отдернуть, потом привык…

Однако сейчас мне нужно было вовсе не побриться.

Я бросил меч на траву – и мой нож молниеносно выскользнул из руки, будто ждал приказа.

И я начал им работать…

Странное ощущение, конечно, когда чувствуешь, как острый металл срезает с твоего лица куски плоти. Уже мертвой, пропитанной смертельным ядом, но еще минуту назад твоей. На траву падали почерневшие лохмотья кожи, бровь шлепнулась, кусок носа. Я смотрел на это, мысленно, словно мантру, повторяя, что «Бритва» никогда не смахнет лишнего, и продолжал скрести лицо, чувствуя, что порой лезвие уже скользит по кости…

Наконец жжение прекратилось, процесс, похоже, остановился, так как нож уже больше ничего не срезал. Хорошо еще, что яд на глаза не попал, иначе пришлось бы в глазнице ковыряться клинком, а это очень неудобно делать широким боевым ножом.

Я осторожно пощупал свою щеку – и дотронулся до зубов. Жесть… В щеке была существенная дыра, но не болезненная, покрытая мягкой пленкой, будто так и было задумано. Остальное я трогать не стал, отметив лишь, что дышать стало легче – ну да, когда вместо носа две дыры, воздух проходит свободнее. И губы с подбородком, кстати, целыми остались. И уши. Ну и нормально.

Я по поводу своей внешности особо никогда не парился, потому можно считать, что все закончилось неплохо. Я жив, враг мертв, а в зеркало смотреться я никогда не любил. Так что нечего там разглядывать. А вот с оружием, конечно, определиться надо.

У оружия, которым я сразил чудовище, тоже случились проблемы. Клинок ядовитая кровь подъела существенно, отчего меч стал короче на треть. Что, в принципе, меня устроило: таскаться со здоровенным двуручником по лесу – занятие не из приятных. И хотя выглядело оружие примерно так же, как моя морда, все в кавернах, но это всяко лучше, чем сучковатая палка, например. Так что меч я решил взять с собой, пока ничего более качественного не найду – «Бритва», конечно, сказочное оружие последнего шанса, но в этом мире все-таки предпочтительно иметь в руках длинномерный клинок.

Я опустил руку с «Бритвой», мысленно приказывая ей вернуться обратно в ладонь, и даже зажмурился слегка, готовясь к всплеску боли, – но вместо этого ощутил рывок!

Мой нож, не раз выручавший меня в битвах и ни разу не ослушавшийся приказа, на этот раз положил на него с пробором. А именно – вырвался из моей руки и, вонзившись в рукоять меча, лежавшего на земле… расплавился. Растекся по изъеденному ядом клинку и впитался в него, словно вода в губку, лишь сияние разлилось по мечу. Даже не по нему. Мой нож как бы влился внутрь клинка, и сейчас свет немыслимым образом пробивался сквозь металл, будто это была не сталь, а стекло.

Я похлопал глазами, пытаясь понять, не глюк ли это после пережитого – все-таки не каждый день с черепа собственное лицо срезаешь. Да нет, шиза? вроде пока меня стороной обошла. Лежит себе на траве меч со следами глубокой коррозии и светится слегка, как некогда светилась моя «Бритва».

Я, признаться, в этот момент даже бо?льшую утрату ощутил, чем когда морду с себя соскоблил. Привык к своему ножу, который вообще в последнее время стал со мной чуть ли не единым целым – и вдруг бросил хозяина ради покоцанной железяки.

Но я с горечью утраты быстро справился. Когда тебя бросают, еще неизвестно, кому повезло; по крайней мере никто больше в руку лазить не будет, чего я каждый раз ожидал с содроганием, ибо привыкнуть к такой адской боли просто нереально. К тому же, как говорится, бойтесь своих желаний: хотел меч – получи меч. Может, «Бритва» просто услышала мои мысли и решила, что в качестве меча пригодится мне больше. Что ж, остается надеяться, что она передала свои свойства этой изъеденной ядом железяке.

Ладно, с оружием, надеюсь, разобрались. Оставалось найти защиту получше, чем крестьянская одежда.

А поискать было где.

Когда монстр из своего дупла вываливался, видать, лапой зацепил довольно толстую цепь, и сейчас она свешивалась книзу, поблескивая желтым в свете гнилушек. Золотая, что ли? Интересно, а что там у твари еще в гнезде заныкано?

Прислонив меч к вековому дубу, я залез на дерево, заглянул в дупло – и аж слегка зажмурился.

Чего там только не было навалено!

Богато изукрашенные доспехи, шелковая материя в рулонах, всякий шмот типа рубах с вышивкой, аккуратно сшитых сапог, меховых шапок. Ну и, разумеется, драгоценности – золотые цепи, серьги, ожерелья, браслеты… которые сами собой не светятся, а, будучи хорошо отполированными, лишь отражают свет.

А свет тот испускал один-единственный камень, что смахивал на живиц, которыми меня лечила Алена, только был значительно больше, примерно с куриное яйцо.

Разумеется, в дупле валялось немало обглоданных костей, черепов, почерневших обрывков плоти, среди которых сокровища смотрелись диковато. Совсем не так, как в кино, где сверкающий реквизит навален горами, и при этом нет никаких следов тех, кто пытался его добыть или с кого те богатства содрали вместе с мясом. Как вон ту золотую сережку с крупным камнем, например, продетую в почерневшее оторванное ухо.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

О том, кто назначил Снайперу это испытание, можно прочитать в романе Дмитрия Силлова «Закон затона» литературной серии «СТАЛКЕР». При этом оба романа – и «Закон затона», и «Закон меча» – можно читать отдельно.

Купить: https://tellnovel.com/sillov_dmitriy/zakon-mecha

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити